

WASILIJ SZCZUKIN

Uniwersytet Jagielloński, Kraków
wszczukin@yandex.ru

Большая деревня или город особого рода? Русская урбанистика как пример диалога и контрапункта

В *Отрывке* (польск. *Ustęp*) поэмы «Дяды» Адам Мицкевич назвал русский город «полком деревянных домов»¹, по сути дела отказав ему в праве называться настоящим городом. Подобный сарказм свойствен не только иноземцам. Многие русские люди пишут и говорят то же самое, разве что без романтического пафоса и сарказма. Ведь говорил же Иполлит Матвеевич Воробьянинов, уроженец среднерусского города Старгорода, вобравшего в себя многие черты космополитической Одессы: «Париж не в пример лучше Белокаменной, которая, как ни крути, остается бессистемно распланированной большой деревней»². Да и в наши дни некто Ксения, юная пользовательница программы «Google Планета Земля», посмотрев на фотографию Москвы с высоты птичьего полета (Москва-река, золотой купол Христа-Спасителя, Кремль на горизонте), великодушно констатирует: «Красиво... хоть и большая деревня...»³.

Проклятые деревенщины тяготеет над русским городом. Как легко обвинить его в отсутствии духа подлинного урбанизма! И как рад каждый, кто вопреки всему, любит свой город таким, каков он есть, любому удивленному и в то же время одобрителю возгласу «внеположенного Другого» (М.М. Бахтин), иногородца или иностранца, который нет-нет, да и осмелится предать сомнению «концепцию большой деревни»: дескать, почему же сразу деревня? Это город, настоящий город, только немного иной, но оригинальный, красивый...

¹ А. Мицкевич, *Стихотворения. Поэмы*, Москва 1968, с. 405.

² И. Ильф, Е. Петров, *Двенадцать стульев*, Москва 1982, с. 144.

³ <http://www.panoramio.com/photo/308361>. Режим доступа 15.07.2007. Разрядка моя — В.Щ.

Суть этой проблемы заключается в трудностях, связанных с феноменологической характеристикой русского города и его типологической соотношенностью. Какой это город? Европейский? Но жители даже не Западной, а Восточной Европы, уроженцы Риги, Таллина или Львова, увидев утопающие в зелени садов домики, деревянные тротуары и сусальное золото куполов, в один голос, может быть, и скажут, что это очень красиво, поэтично, но это не город, а если уж город, то не европейский. Ведь европейские города сравнительно небольшие и очень плотно застроенные; там никто не может позволить себе на такую роскошь (или на такое безобразие), как рощицы, садики и пустыри чуть ли не в самом центре⁴. Значит, он азиатский? Но тогда уже жители арабских стран начнут протестовать, потому что любой русский город будет разительно отличаться от каменных и глинобитных лабиринтов, которые веками строили их предки, спасаясь от врагов и от лучей «белого солнца пустыни». На города Индии или Китая русский город похож еще меньше. Да и традиционно критически настроенные по отношению ко всему русскому «центрально-восточные» европейцы, попав, допустим, в Хабаровск и как бы противореча самим себе, замечают, что это «город европейский по характеру, хотя на его улицах можно встретить множество лиц с азиатскими чертами»⁵.

Или, быть может, надо оставить все попытки причислить русский город к той или иной культурно-географической разновидности и начать говорить о нем как о совершенно особом явлении? Но и эта позиция, при всей ее простоте и привлекательности, имеет свои слабые стороны, так как при ближайшем рассмотрении мы обнаружим, что русская градостроительная традиция со всей очевидностью вписывается в метанациональные контексты — в ромейский (восточноримский), общеевропейский и шире — западный, противостоящий исламскому или буддийскому.

Дать ясный, однозначный ответ на эти и другие, возникающие в этой связи, вопросы пока что не представляется возможным. По всей видимости, такого ответа просто не существует. Нельзя, однако, отказываться от попыток неоднозначного, внутренне противоречивого ответа, например,

⁴ Мне неоднократно приходилось слышать от знакомых поляков самые разнообразные вариации на эту тему. К примеру: Петербург город, а Москва не город. — Почему? — Питер серый, однообразный и похож на наши города, а Москва не похожа. Или: Мясницкая — это настоящий город, а Полянка и Ордынка нет. — Да почему же? — Потому что на Мясницкой все дома одной высоты и прижаты друг к другу, а на Полянке один выше, другой ниже, один краше, другой убоже, а между ними пустота, как в деревне. Примечательно, что немцы или американцы в таких случаях задумывались, но в конце концов соглашались, что ландшафт Полянки всё же городской. Русские люди не остаются в долгу, то и дело удивляясь тому, что в западных средневековых городах так тесно и совсем нет места для зелени.

⁵ Автором заметки, помещенной в многотиражной газете студенческого общества «Вокруг России», является студентка Ягеллонского университета Каролина Жила, которая совершила путешествие на поезде от Кракова до Владивостока (K. Żyła, *Koleją (nie tylko transsyberyjską) do Irkucka, a nawet na koniec świata*, «Wschodni Miraż» 2007, № 8, с. 13–15).

с использованием принципа дополнительности Нильса Бора или бахтинского принципа диалогической незавершенности.

Русский человек, даже коренной горожанин, как правило, хорошо помнит о том, что от города до города у нас не десятки, а сотни километров, что хороших дорог никогда не было и что они не скоро будут, хотя бы потому, что построить километр хорошего шоссе в европейской части России в четыре раза дороже, чем в Западной Европе. Он знает, что вовсе не надо ехать в Сибирь, чтобы оказаться в совершенно безлюдной, лишенной каких бы то ни было признаков цивилизации местности. Всего-навсего в ста километрах к северу от Москвы, в селе Спас-Угол, где родился М.Е. Салтыков-Щедрин, среди еловых лесов и болот Приволжской низменности, уже чувствуешь, что такое настоящий медвежий угол, «куда Макар телят не гонял» (любимая поговорка Щедрина), и каким образом в сознании сатирика родилась заключительная фраза главы об Угрюм-Бурчееве: «История прекратила течение свое»⁶. А чуть дальше, в Тверской или Ярославской губернии, есть грандиозные «мхи» — болота, где на десятки километров вокруг нет ни дорог, ни деревень и куда годами никто не заходил: неуютно, да и опасно.

Николай Анциферов в свое время отметил, что к Петербургу очень многие относились отрицательно, потому что он был столицей страны, аграрной по своему характеру⁷. Этот город не нравился как простолюдникам, так и многим интеллигентам, исключение составляли петербуржцы-неоклассики, группировавшиеся вокруг журнала «Мир искусства», а позднее также поэты-акмеисты. Ученый объяснял это следующим образом:

Душа горожанина всё еще не хочет признать город своей родиной, всё еще продолжает она ощущать себя в нем невольной гостьей, чуждается его и до сих пор сохраняет сильную тягу к вольной органичной жизни деревни. Особенно это верно относительно нас — русских. В исконно земледельческой стране граждане в значительной степени были в городах временными постояльцами, покинувшими свои села ради заработков и свои усадьбы ради развлечений. Жизнь в городах являлась лишь эпизодом, и для большинства пришельцев — тяжелым. Натуры с сильным нравственным содержанием ощущают город как рассадник зла. В возвращении к жизни на лоне природы, в особенности в земледельческом труде, видят они путь нравственного исцеления и возрождения. Дух человека лишился в городе необходимой для его углубления тишины⁸.

Да и в самом городе, как верно замечает Анциферов, русский человек ценит не город как таковой, а городскую природу. Сохранившаяся связь с природой в России расценивается как достоинство города, а ее отсутствие

⁶ М. Салтыков-Щедрин, *История одного города. Господа Головлевы. Сказки*, Москва 1975, с. 180.

⁷ Н.П. Анциферов, *Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода*, Ленинград 1925, с. 9.

⁸ Там же, с. 10.

— как недостаток⁹. Многие жители наших больших городов, чье детство прошло в деревне или в маленьком провинциальном городе, до сих пор считают какой-либо район хорошим, если там «есть где подышать воздухом», недалеко лес, а еще лучше пруд, река или озеро. Симпатичными считаются только обсаженные деревьями тенистые улицы и дворы, заросшие травой, кустами жасмина и сирени, с палисадниками под окнами.

Лишь в середине XX века, после Второй мировой войны, пришло на свет первое поколение русских людей, которые никогда не жили в деревне. Более того — родители многих из них тоже были горожанами от рождения. Этим людям не связывало с деревенской жизнью ни одно отрадное воспоминание. Я помню, как в девятом классе мой сосед по парте (дело было в 1968 году) высказал мысль о том, что идея города-сада — нелепая, утопическая затея. Этот юноша любил голые кирпичные стены, запах подъездов и западные киноафиши. И хотя я был воспитан в духе уважения к природе и восхищения ее красотой, хотя его утверждение вначале поразило меня, я вскоре понял его глубокий смысл. Город — не природа, это совсем другой, по-своему прекрасный мир. Мы оба принадлежали к поколению русских горожан, которых впервые в истории стало больше, чем выходцев из деревни.

Как же жить в мире «рустикальных» городов настоящему горожанину, если, как утверждает компетентный исследователь, одним из признаков городской жизни является «разрыв связи человека с природой»¹⁰? Наверное, так же, как жить с родной матерью: перерезать пуповину и стать психически самостоятельным необходимо, но надо ли забывать о кровных связях, надо ли стремиться к конфликту из-за гордой осознанности превосходства цивилизации и культуры, к которой ты принадлежишь? Позволю вспомнить свои собственные первые ощущения. Я, москвич, родился на Моховой улице, у стен Кремля, напротив Румянцевской библиотеки (в те времена имени Ленина). Каковы были мои первые воспоминания? Темная комната, кухня, кровать, белая печка-голландка; но тут же, сразу же, одновременно — ослепительное солнце и упоительный запах весеннего воздуха. А первые мечты — о том, чтобы меня увезли далеко-далеко, чтобы увидеть, каков мир там. К тому же я больше помню не Москву, а то, как меня вывозили за город, на дачу. Зеленая трава, речка, деревенский двор — это было, наверное, тогда куда интереснее, чем полки с книгами. Впрочем, с возрастом интересы менялись, и годам к пяти я уже часами рылся в книжном шкафу. Неизменными остались две, на мой взгляд, мнимые противоположности — любовь к природе и любовь к городу.

⁹ Там же, с. 10–11.

¹⁰ Э.В. Соколов, *Город глазами культуролога*, [в:] *Город и культура. Сборник научных трудов*, ред. С.Н. Иконникова, Г.В. Скотникова, Санкт-Петербург 1992, с. 11.

Анализ обширнейшего материала, посвященного истории градостроения в Новгородской и Псковской республиках, Великом Княжестве Московском и Российской империи, позволяет выдвинуть ряд существенных положений, которыми я хотел бы предварить свой, по необходимости, краткий обзор русского градостроения.

Во-первых, было бы неверным утверждение, будто бы русский город имеет азиатский или так называемый евразийский характер. Если согласиться с тем, что среднегреческие (византийские) города относятся к числу европейских, — а такое решение представляется единственно соответствующим истине, — то ничто не может помешать нам утверждать то же самое относительно русских городов. Их планировка, инфраструктура, организация городской жизни, культурный ландшафт, его эстетика и, в частности, архитектура, типичные занятия горожан, их привычки и их идеалы — всё это и еще многое другое — по духу европейское¹¹. Кроме этого общего со всей Европой характера, русский город обладает рядом специфических особенностей, которых не встретишь в центре или на западе европейского субконтинента. Ориентальных, в том числе монгольских и так называемых туранских наслоений, в строе русской городской культуры было очень немного, и они не играли в ней существенной роли, за одним важным исключением — торговой и финансовой сфер.

Во-вторых, русские города — это полноценные города, а не большие деревни. Пусть нас не смущает то, что посреди них, особенно в небольших провинциальных городах, на каждом шагу встречаются пустыри (так называемые пустопорожные земли), лужайки, фрагменты лесных массивов, немощные улицы, колонки и колодцы. Даже в таких поселениях могут сохраниться остатки городских укреплений — стен или валов, существует ярко выраженный центр — городское ядро, а в плане своем такой город очень часто представляет собою хорошо продуманную регулярную структуру. Я, конечно, не говорю о так называемых поселках городского типа, которыми искусственно пополняли перечень городских поселений в советскую эпоху, я говорю именно о древних, допетровских городах, таких как, например, Суздаль, Верея, Калязин — городов таких немало. Только поверхностный, неискушенный наблюдатель, судя по виду и по тому, как ведут себя сейчас их жители, назовет их большими деревнями. Это правда, конечно, что подавляющее большинство их жителей — бывшие

¹¹ Очень хотелось бы повторить вслед за Р.Д. Тименчиком: «Всё русское я по натуре своей и опыту понимаю не как отличное от европейского и тем более не как его антитезу» (Р.Д. Тименчик, *Устрицы Ахматовой и Анненского*, [в:] *Иннокентий Анненский и русская культура XX века. Сборник научных трудов*, Санкт-Петербург 1996, с. 51). К сожалению, история нашей страны не всегда подтверждает это оптимистическое утверждение: не всё русское можно называть европейским. Однако в целом, интенционально, его автор совершенно прав: было бы огромным и непростительным упрощением считать русскую культуру антитезой европейскому Западу.

крестьяне или потомки крестьян, и привычки у них ещё крестьянские. Но подобного рода рустикализм — не специфическая черта русского города, а более общая тенденция. Напомню, что из всех славянских народов одному лишь чешскому удалось вступить в XX век в качестве не аграрного, а бюргерско-индустриального общества, в то время как поляки, словаки, все южные и все восточные славяне продолжали жить и функционировать в рамках аграрных (дворянско-крестьянских) общественных структур. И, как следствие: черты «большой деревни» без труда можно встретить в облике и в образе мышления жителей почти что всех словацких и многих польских городов, за исключением тех, что еще недавно были немецкими. «Европа», а в данном случае бюргерский дух (*urbanitas*) не исчезает внезапно, как только мы пересечем Буг, Сан или Нарев в пути с запада на восток, а убывает постепенно на большом пространстве между Эльбой и Уралом. В русских же больших и малых городах, кроме бывших и настоящих крестьян, всё-таки всегда жили и по сей день живут настоящие горожане, люди городских профессий, чувствующие и мыслящие по-городскому. Последнее обстоятельство, правда, не означает, что проблема присутствия деревенской стихии (*rusticitas*) в русской городской культуре перестала быть актуальной.

В-третьих, впечатления Мицкевича и Астольф де Кюстина, в глаза которым бросалось то, что русские города имеют искусственный характер, построены по приказу властей, похожи на казармы, а дома в них образуют унылые ряды, подобные солдатам в строю, никак не отражают общего положения вещей. Военных поселений было сравнительно немного. Русские города редко строились по линейке. Путешественников могли поразить или торговые ряды и присутственные места, которые в самом деле создавались по единому стандарту, в духе «казенного» классицизма, или же длинные, относительно прямые, как в русской деревне, улицы, в самом деле предопределяющие линейный характер структуры городского центра, в отличие от западной шахматно-перекрестной планировочной системы, к которой с юных лет привыкли оба вышеупомянутые авторы.

Легко заметить, что три высказанные мною тезиса имеют полемический характер и направлены против известных стереотипов, представляющих собою неудачные попытки понять специфику русского градостроения, хотя в каждом из них и содержится рациональное зерно.

Своеобразие русского города заключается не в азиатчине, не в рустикализме, не в казенщине, а в чем-то другом. По моему глубокому убеждению, русский город является созданием человеческого гения и средоточием культуры, которое не при каких обстоятельствах не может быть до конца противопоставлено окружающей его природе. Он связан с нею многочисленными зримыми и незримыми нитями, его облик повторяет естественные формы окружающих ландшафтов, а сам он мастерски вписан в пейзаж равнины, всем видом своим подчеркивая глубочайшее уважение к ее

высшей силе, перед которой да склонит голову любая культура. **Природа в России свободно входит в город, а город свободно вписывается в природу.** Принцип решительного разрыва искусственной городской среды со средой естественной в России не работает. Если в ряде случаев (не ранее начала XX века) такой разрыв всё-таки имел место, то лишь в двух больших агломерациях, Петербурге и Москве¹², а вызывало это такую бурную реакцию общества, что даже европейски образованная элита, прославляя эстетику большого города, искала в ней знакомые черты эстетики природы. Тем самым русский город, который, конечно же, сродни своему западному собрату, проявляет подлинное своеобразие. В этом отношении он не похож ни на город, сложившийся в период позднего Средневековья в Западной Европе, ни на классический город нехристианского Востока. И там, и там разрыв связи горожанина с природой — *conditio sine qua non*¹³. Надо полагать, что русские города в этом отношении напоминают только византийские, ибо описанная мною натуроцентрическая, миметическая модель — греческого происхождения.

Высказанное утверждение лежит в основе всей моей концепции. Оно, разумеется, нуждается в доказательствах. При этом я вполне сознательно ограничиваю свою задачу изложением лишь одного ее аспекта¹⁴. Речь идет о своеобразии зрительного впечатления, которое производит русский город, о его эстетической значимости, иными словами, о проблеме его красоты или безобразия.

Наиболее тонкие исследователи давно отметили, что этот совершенно особого рода эстетизм был изначально присущ русской культуре. И хотя ни Древняя Русь, ни позднейшая Россия не представляют в этом отношении абсолютного исключения, от западных культур, как справедливо заметил Д.С. Лихачев, их в самом деле отличает «примат эстетического момента над философским», выразившийся хотя бы в том, что самый великий русский трактат начала XV века — знаменитая рублевская *Троица*¹⁵.

Природный ландшафт играл первостепенную роль в общей градостроительной структуре самой метрополии — Константинополя. Он по-

¹² Разумеется, не в равной степени. Еще в начале XX века Москва во многом сохраняла патриархальный характер, а урбанизм новейшего времени только-только пускал в ней первые ростки. Практически все авторы того времени (А.А. Блок, В.Я. Брюсов, А. Белый, А.М. Ремизов, А.Н. Бенуа и многие другие) противопоставляли «урбанистический», но «бесчеловечный» Петербург расхлябанной, но «по-человечески» милой Москве. Однако со временем Москва становится типичным мегаполисом эпохи глобализма, и первоначальные пропорции меняются.

¹³ Э.В. Соколов, *Город...*, с. 11.

¹⁴ Иные (социально-экономические, правовые, духовно-ментальные) аспекты своеобразия русского города я подробно рассматриваю в книге *Стогны града. Русский город: феномен и литературный образ*, которая готовится к печати.

¹⁵ Д.С. Лихачев, *Роль крещения Руси в истории культуры*, [в:] он же, *Русская культура*, Москва 2000, с. 59.

ражал глаз не только и не столько великолепием дворцов и храмов, но и необыкновенной красотой их расположения: над Босфором, на мысу, на высокой горе. Центр города тонул в зелени. Незастроенные зеленые участки появлялись посреди города тут и там, придавая ему неповторимо симпатичный, живописный колорит. От императорского дворца и храма св. Софии улицы расходились веером, повторяя конфигурацию вытянувшегося с востока на запад холма и подчеркивая важность сплетающего их центра; внизу под ними, ближе к морю, располагался «посад». В Киеве, конечно, не существовало ни бухты Золотой Рог, ни таких высоких гор, ни морских просторов, но скромные аналоги всего этого всё-таки были. Княжеский дворец и Десятинная церковь стояли на мысообразном холме, с которого открывался вид на Днепр и заднепровские дали с лесами до самого горизонта; внизу располагался пестрый Подол с его узкими улочками; а с противоположной стороны веерообразно, как в Царьеграде, пролегли большие улицы-дороги, а поодаль, также как и над Босфором, возвышалась Святая София. Так изначальная, первобытная эстетика места стала составной частью эстетики города, и помог в этом киевским градостроителям греческий образец¹⁶.

На Руси просто ничьей земли и в городе, и вокруг него всегда было предостаточно. Поэтому города не ютились внутри стен, а разрастались вширь: пример Константинополя был достаточно привлекателен. Перводанная природа — степи, леса, широкие реки и озера — обступала русский город со всех сторон. Она была вездесуща, и даже находясь под защитой массивных каменных стен нельзя было спрятаться от нее. Она вторгалась и внутрь городов, посреди которых зачастую сохранялись фрагменты незастроенных пространств — рощи, лужайки, пустыри, овраги, широкие церковные дворы, поросшие травой и кустарником.

Неплотная застройка, которая до сих пор неприятно поражает иностранцев, играла во всем этом огромную эстетическую роль. Для жителя западных городов, в особенности южных, итальянских и испанских, горизонт всегда остается замкнутым, в какой бы точке городского центра он ни находился: мешают высокие стены домов, плотно прижавшихся друг к другу, плотность застройки и полное отсутствие просветов. Находясь в центре такого города, практически никогда не видишь ни кафедрального собора, ни ратуши, ни княжеского замка. В русском же городе невысокие дома с разрывами садов, лугов и болотистых низин позволяют видеть кремль практически с любой точки, любоваться им и чувствовать при этом причастность к великому — священному миропорядку и божественному промыслу в истории. Кремль, таким образом, доминировал над всем горо-

¹⁶ Широко известный пример подобной ориентации древнего Киева на Константинополь — Софийский собор, в религиозной семантике и архитектуре которого сильно сказались влияние греческого культурного центра.

дом, внося в реальный или мнимый хаос его ландшафта элемент согласия и гармонического единства¹⁷.

В таком городе можно было часами плутать среди дворов и изгородей (дома в городских усадьбах вплоть до XVII–XVIII века строились в глубине участков, так что на улицу выходил один забор), но в конце концов все главные дороги приводили на высокое и открытое место, откуда так хорошо были видны необъятные дали — далеко-далеко, до самого неба. Днем здесь ярко светило солнце, дули ветры, а облака на небе были такими красивыми, какие бывают только на севере. Именно в таких местах русские люди учились понимать красоту, и потому до сего времени ищут они в городах на всем белом свете некоего выхода на простор — быть может, тревожный, небезопасный, но красивый.

Кром на юру — таким был в моем представлении древнерусский город. *Кром* означает кремль, укрепленную крепость, нечто защищенное, *у-кромное*. *Юр* или *яр* — это крутой обрыв, где летом палит беспощадное, ярое солнце, а зимой воет вьюга и веют во все стороны света морозные ветры. Придуманый мною метонимический и гиперболический образ очень односторонен и неточен, почти мифологичен, но вряд ли можно иначе вообразить себе это дерзкое и хрупкое творение человеческой цивилизации, затерянное посреди бескрайней первобытной равнины.

Природа и цивилизация, стихия и культура, хаос и порядок были заложены в основание феноменальной природы русского города. Они сосуществовали неразрывно, придавая ему принципиально неоднозначный, внутренне противоречивый характер. Именно поэтому, как мне представляется, к нему гораздо более, чем к западноевропейскому городу, применимы принципы диалога и контрапункта — совершенно независимых друг от друга и, казалось бы, несовместимых градостроительных, эстетических и семантических тенденций.

Как известно, понятия диалога и контрапункта по отношению к идеологическому и художественному творчеству человека были предложены и описаны Бахтиным. В его понимании живой говорящий человек выступает в творимой им культуре в качестве голоса как «воплощенной идейной позиции в мире»¹⁸. «Сюда входит и мировоззрение, и судьба человека, — уточняет философ. — Человек как целостный голос вступает в диалог»¹⁹. Но в метафорическом смысле слова, которым в данном случае никак нельзя пренебрегать, целостным голосом обладает не только человек, но и его творения, составляющие ноосферу и семиосферу: произведения искусства, нравственные ценности, идейные концепции и, в том числе, города. Если

¹⁷ А.В. Иконников, *Искусство, среда, время (Эстетическая организация городской среды)*, Москва 1985, с. 98–99.

¹⁸ М.М. Бахтин, *1961 год. Заметки*, [в:] он же, *Собрание сочинений в 7 томах*, т. 5, Москва 1996, с. 365.

¹⁹ Там же, с. 351.

же город, как творение техники и произведение искусства, обладает вложенным в него смыслом и «голосом», то он тоже вступает в диалог, в первую очередь, с окружающим его «негородом» — с природой и с деревней. Такой диалог имеет еще более иносказательный, метафорический характер, чем диалог фольклорных образов или диалог идей в печатных изданиях, но он тоже неотъемлемая часть человеческой культуры.

Город везде на земле утверждает себя как гордое противостояние природе, но, вступая с ней и с деревней в диалог, не может не учесть ее собственных «аргументов»: красоты или экологической чистоты природы и, конечно же, ее силы. Даже в условиях господства иудеохристианской культуры, особенно поощрявшей борьбу с «враждебной» человеку природой, город не может в ряде случаев не уступить в этой диалогической схватке. На Руси, где мощь изначальных стихий благодаря неизмеримо большей по сравнению со странами Западной Европы неосвоенности территории была гораздо выше скромных возможностей юной цивилизации, город, вступавший в диалог с окружающей природой, долгие века «говорил» голосом слабым и полным явного или тайного восхищения могуществом природы. Внутри же русского города, который не был и не мог быть так радикально отделен от окружавших его лесов и степей, как это бывало на Западе, также шел непрерывный диалог творимой человеком городской цивилизации с окружавшей ее девственной природой, с ее «нечеловеческой» красотой, а также с сельскими формами строительства и вообще цивилизованной жизни. Ведь благодаря этим формам человек был лучше приспособлен к жизни среди «деревьев в лесу», чем среди «людей в городах» (Сократ)²⁰, тем более, что «деревья в лесу» росли совсем рядом с кремлями и торговыми площадями Киева или Новгорода.

На мой взгляд, при описании семантической и эстетической выразительности русского города в связи с постоянным присутствием в нем «чужого слова», то есть элементов окружающей природной среды, можно применить также понятие контрапункта, которое, в частности, использует Бахтин, разбирая поэтику романа. В классической теории музыки контрапунктом называется «совместное звучание контрастных мелодически развитых голосов», в котором каждой ноте противостоит иная, «противоположная» нота²¹. Ученый считал, что контрапункт представляет собою структурный принцип воплощения полифонического восприятия мира²².

²⁰ Сократу приписывается высказывание, повторенное Платоном в диалоге *Пир*: «Меня интересуют не деревья в лесу, а люди в городах».

²¹ С латинского языка: «Punctum contra punctum» — буквально «точка против точки». Подробнее см.: С. Григорьев, С. Мюллер, *Учебник полифонии*, Москва 1969, с. 11. Подробнее о понимании М.М. Бахтиным голоса и контрапункта см.: Д. Магомедова, *Понятия «голоса» и «контрапункта» в эстетике Михаила Бахтина и Андрея Белого*, [в:] Бахтин, Европа, век двадцатый. Сборник статей, ред. В. Щукин, Kraków 2006, с. 65–71.

²² Д. Магомедова, *Понятия «голоса»...*, с. 67.

В таком случае то, что постороннему наблюдателю русских городов кажется эстетическим разнобоем, дисгармонией стилей или просто «деревенщиной», наскоро прикрытой бутафорскими городскими одеждами, на самом деле есть проявление контрапункта различных эстетических «голосов» — услышанного человеком «голоса» природы, «голоса» деревенского и собственно городского.

Нельзя не отметить, что вышеописанные «натуроцентрические» тенденции древнерусского городского ландшафта были характерны и для западноевропейских городов раннего Средневековья. Раннесредневековый город был открыт на окружающую природу; в этом отношении «варварский» запад Европы мало чем отличался от столь же «варварского» ее востока. Различия начали появляться позднее, не ранее XII века, когда Запад, чья геополитическая и экономическая ситуация в значительной степени улучшилась, стал постепенно отворачиваться от природы спиной, всё более осваивая и «покоряя» ее.

В.О. Ключевский выделяет четыре формы русского города московского периода: город-двор, город-село, город-застава и город-посад²³. Три первые формы типично московские. Они появились в результате деятельности вотчинного государства, обеспечивая его потребности во внешней обороне и администрировании колонизируемых территорий. Город-двор был резиденцией «вотчинника», чаще всего великокняжеского администратора, окруженного войском и обслуживавшими его людьми. Город-село представлял собой место, в котором проживали переселенцы, зачастую крестьяне, которые были высланы далеко от родных углов для обживания пустых и завоеванных земель. Город-застава был пограничной крепостью, укрепленным военным форпостом, служащим для защиты коренных и новоприобретенных территорий.

Однако самой древней, исконной, наиболее характерной для Руси формой города был *посад*. Ключевский описывает его следующим образом:

Основанием города служило центральное укрепление, состоявшее обыкновенно из замкнутой каменной стены; это укрепление носило название *дънешнего града* или *детинца*; *дънешний* — внутренний, *дъно* — пол, основание. Такой детинец строился обыкновенно на углу, образуемом слиянием двух рек [...] Каждый такой внутренний город назывался еще *кромом*. Кроме детинца, в Пскове, например, в стороне от него находился другой внутренний город, который назывался *кромом* [...] Вне детинца — заселенного правительственными и военными людьми, располагалось торговое промышленное население. Это поселение, возникшее за стенами детинца, в XII–XIII веках называлось *местом* (именно в южной Руси) — слово, родственное с польским словом, означающим город. В северной Руси это поселение получило название *посада*²⁴.

²³ В.О. Ключевский, *Терминология русской истории*, [в:] он же, *Сочинения в 9 томах*, т. 9, Москва 1989, с. 194–196.

²⁴ Там же, с. 196–197. Курсив В.О. Ключевского.

Кроме детинца и посада, в городах существовали еще слободы, расположенные на окраинах. В них жили особые сообщества горожан, каждое из которых жило благодаря известному занятию — литейному, гончарному, ткацкому, кожевенному делу и многим другим таким «делам». Слободы делились на три разряда. Первый составляли те, в которых жили служилые «приборные люди»²⁵ — низшие разряды военных: стрельцы, пушкарки, воротники (охранники ворот), казаки. В слободах второго разряда жили купцы и промышленные люди, то есть ремесленники; они составляли корпорации с особым управлением и тем самым более всего напоминали своих западных собратий. Работали они, однако, не на свой страх и риск и не обслуживали свободный рынок, а княжеский терем («дворцовые люди»), государство в целом («черные люди») или частных владельцев — Церковь, монастырей, отдельных бояр («владельческие люди»). Слободы третьего разряда заводились на отдаленных окраинах страны, где было слабо развито земледелие, и заселялись «пашенными людьми» — невиданным на Западе сообществом, которое, будучи привязанным к форпосту цивилизации — городу, занималось типично деревенским трудом там, где никогда не было никаких деревень²⁶.

Именно посад можно рассматривать в качестве аналога западноевропейского города, тем более, что, как и на Западе, вокруг него, а не только вокруг «крема» — кремля (скорее соответствующего западному «замку» — *Burg* или раннефеодальной сердцевине города — *cité*) воздвигалась стена с башнями и воротами. Однако принцип локации (*locatio*), то есть неукоснительного расположения всех городских построек за стеною — кто построил дом не за воротами, а перед ними, тот не горожанин и городских прав не имеет! — в Московии не действовал. Московские посадские люди не знали, что это такое, так же, как не знали, что такое городские права и городское самоуправление. Они не утрачивали связи с природой и с трудом на природе. Природа обступала городской микромир, в котором они жили, со всех сторон, вторгалась в него, жила с ним в вечном, как казалось, симбиозе.

Особенностью городов средневековой Руси была их относительно малая плотность, — отмечает историк архитектуры А.В. Иконников. — Посады выходили далеко за линию укреплений и снимали четкость разграничения между городом и ландшафтом вокруг. В то же время и природное окружение входило в городской массив зеленью садов и огородов, образуя соединительную ткань его структуры. Русские города обычно ставились по берегам рек, и в тех случаях, когда город разрастался на разных берегах, пространство реки становилось объединяющим началом [...] «Пунктирность» застройки, не сливавшаяся в непрерывные массивы, позволяла ощутить единство города через систему вертикалей, доминировавших над его территорией, — церковью и колоколен, которыми отмечались главный городской центр и второстепенные центры.

²⁵ То есть нанятые «по прибору» (от глагола *брать*), по вербовке, а не наследственные.

²⁶ Подробнее см.: В.О. Ключевский, *Терминология...*, с. 201.

Древнерусский город [...] не был жестко противопоставлен негородскому окружению и осознавался частью целого, которое охватывало все тяготеющие к нему сельские поселения²⁷.

Слободы попеременно с селами, рощи, поля, луга, болота — всё это тянулось вдоль дорог под самой Москвой, у стен ее сторожевых монастырей, и вводило в заблуждение иностранцев, видевших, что территория русской столицы втрое больше Парижа, в то время как ее население вдвое меньше²⁸. Для западного наблюдателя, признающего нормой решительное отграничение городского пространства от любого другого, посадские люди, в сущности, не отличались от крестьян: они пахали землю, они пасли на чужих (княжеских, митрополичьих, монастырских или ничьих) лугах коров и лошадей, жили в деревянных домах с огородами²⁹. Но в мире восточноевропейских норм, не только московских и не только русских, а охватывающих всю бывшую византийскую ойкумену, они определенно составляли особую социальную группу, и было бы ошибкой отождествлять ее с крестьянством. Правильнее всего, как мне кажется, видеть в постоянных жителях городов Великого Княжества Московского нечто среднее между западными буржуарами и русскими крестьянами, жившими «вдалеке от больших городов» (Н.А. Некрасов), в условиях полного натурального хозяйства. Как бы то ни было, в посадах и слободах обитали торгово-промышленные люди, которые, выходя за пределы двора, попадали не на деревенскую, а на городскую улицу — плотно застроенную, мощеную, с белой колокольной в перспективе, со множеством домов, стоявших, правда, не вдоль самой улицы, а в глубине участков. В XVI–XVII веках, когда ремесленники стали изготавливать продукцию не по заказу, а для продажи на рынке при купеческом посредничестве, дома и мастерские стали строиться поближе к красной линии улицы, и бывало так, что дома в Китай-городе или в Зарядье стояли бок о бок друг к другу, совсем как в западных городах³⁰. Всё это позволяет предположить, что образ мысли, эстетические вкусы и нравственные принципы этих людей были иными, чем у крестьян.

Перенесемся на двести лет вперед, в эпоху Великих реформ. Сейчас можно с полной уверенностью сказать, что мучительный, но совершенно необходимый процесс модернизации России, который не завершился и поныне, начался не 1 января 1700 года, когда произошла spectacularная, но еще во многом поверхностная смена национального культурного кода с поствизантийско-московского на западный, а 19 февраля 1861 года, ког-

²⁷ А.В. Иконников, *Искусство...*, с. 31–32. Разрядка моя — В.Щ.

²⁸ Там же, с. 32.

²⁹ М.Г. Рабинович выделяет в качестве «побочных» занятий русских горожан земледелие, огородничество и садоводство, скотоводство и рыболовство (М.Г. Рабинович, *Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт*, Москва 1978, с. 57–72).

³⁰ Там же, с. 43.

да многомиллионные массы крестьян получили возможность стать гражданами собственной страны. Анахроничный крепостной труд, который, впрочем, был не менее рентабельным, чем труд чернокожих рабов в южных штатах США, стал наконец достоянием истории. Сельскохозяйственных рабочих приходилось отныне нанимать и платить им за работу. Новые порядки разорили многих помещиков и лишили «натуральных» доходов огромное количество крестьян, прежде всего выходцев из хлебных губерний, уже не нуждавшихся в столь многочисленной рабочей силе. В поисках работы крестьяне уходили в город или на строительство заводов, портов и железных дорог. Неизбежным следствием развития финансовой системы, промышленности и транспорта страны явилась ее урбанизация. Этот процесс протекал сложно, противоречиво, с остановками и откатами назад, но тем не менее его ход был неумолим. С известными оговорками можно утверждать, что после Великих реформ урбанизации в России повезло гораздо больше, чем становлению правового государства или демократизации в разных значениях этого слова. Кардинальные изменения, связанные с отмиранием традиционной крестьянской культуры и крестьянского образа мысли и действия, а также с формированием русского городского общества Нового времени, иными словами, с превращением крестьянских детей и внуков в современных мещан, начались с Февральского манифеста 1861 года. Большинство из нас являются далекими наследниками решений, принятых в окружении Александра II после поражения в Крымской войне и смерти Николая I. Этот процесс далек до завершения, но один из важнейших рубежей уже за нами: в середине семидесятых годов XX века городское население впервые в русской истории оказалось многочисленнее сельского. Патриархальная русская деревня приказала долго жить. Не будем, конечно, забывать и о том, что жизнь многих русских городов и так называемых поселков городского типа имеет еще очень мало общего с идеалами *urbanitas* и что в них живут еще не горожане, но уже не крестьяне, а два-три неприкаянных, межеумочных поколения, на долю которых выпали все тяготы, связанные с социальной и культурной трансформацией в настоящих горожан.

К восьмидесятым годам XIX века стало ясно, какой характер приобретают русские промышленные города, какова их пространственная и социальная структура. Русская промышленность Нового времени рождалась и развивалась не на территории старых торговых городов, а при помещичьих усадьбах, в селах или, что и являлось самой яркой отличительной чертой индустриализации России — в заводских слободах, располагавшихся в сельской местности, рядом с промышленными предприятиями, которые, в свою очередь, строились в непосредственной близости к местам добычи полезных ископаемых. Так, например, на Урале практически не существовало и до настоящего времени не существует обычных деревень, жители кото-

рых занимаются сельским хозяйством для потребностей рынка — там строили только горнозаводские поселки. Эти поселки постепенно разрастались и превращались в города, но при них возникали пригороды — слободы, которые создавались по модели древнерусских ремесленных слобод, внешне напоминали большие села и населялись бывшими крепостными крестьянами. Эти люди, именуемые уже не мужиками, а рабочими, жили, как крестьяне — каждая семья в своей избе, с домашним скотом и огородом для собственных нужд. Только в начале XX века наиболее образованные и добродетельные владельцы шахт, рудников, заводов и мануфактур стали строить для «своих» рабочих благоустроенные поселки или особые городские кварталы, состоявшие из многоквартирных каменных домов с удобствами, где были даже детские сады, школы и больницы. Один из исследователей русской городской среды, В.Л. Глазычев не без основания считает, что «город в России — это разбухшая заводская слобода», в то время, как в западноевропейском понимании это «самоуправляющееся сообщество людей, связанных совместным бытием»³¹. К доводам ученого стоит прислушаться:

Два города — если в соответствии с европейской традицией под городом понимать прежде всего социальную организованность граждан — в нашей истории точно были, но, как известно, автономия и Новгорода, и Пскова была грубой военной силой усреднена с другими при Иоанне III. То же, что у нас привычно именуется городом, не столько сложилось, сколько было выстроено властью в качестве инструмента удержания под контролем, как правило, слабозаселенных сельских и природных территорий. Полноценному городскому самоуправлению, а вместе с ним и городскому сознанию не находилось места в российском жизнеустройстве ни до Реформы 1861 года, ни после нее, ни тем более к концу царствования Александра III, когда малый круг лиц, имевших избирательные права в 1870 г., был сужен вдвое. Но ведь и такое убудочное избирательное право домовладельцев при формировании городских дум не использовалось и на треть: в Воронеже, скажем, из 80-ти с небольшим тысяч жителей право голоса имели 1268 человек, а воспользовались этим правом только 248; а в Костроме, соответственно, 41 336 — 638 — 168, в Орле: 69 858 — 902 — 172, наконец, в Чите: 11 408 — 132 — 28 реальных избирателей [...]

Широко известно, что российская промышленность возникала при усадьбе и в селе, а свое проникновение в город осуществила посредством формирования заводской слободы. Соответственно, социалистическая индустриализация, продолжая давнюю, глубоко укорененную традицию, вела к тому, что можно именовать тотальной «слободизацией» поселений. Дух слободы, ее стиль, средовой стандарт, нравственность, блистательно представленные в отечественной литературе — от Лескова и Глеба Успенского до Боборыкина, Горького, Зоценко и Валентина Катаева, — последовательно наползали на поселение, именовавшееся городом. Слобода поглотила поселения.

Новые или «молодые» города, сразу учреждавшиеся с первых пятилеток, прямо формировались как промышленные слободы крупного и сверхкрупного размера. Поскольку между «городом» как некой предметно-пространственной формой и приличествующим ей набором внешних атрибутов и городом как сообществом людей, связанных именно фактом совместного бытия, не делалось различия (второе вообще игнорировалось), слободе придавалась «форма города». Отсюда необычайно завышенная у нас роль так называемого

³¹ В.Л. Глазычев, *Выслободжение городов*, «Российская провинция» 1993, № 9, с. 12.

градостроительного проектирования — в XX веке мы можем найти этому аналог лишь в Бразилии, Индии или Мексике³².

Таким образом, русский «слободообразный» промышленный город, возникновение которого связано с древними помонгольскими традициями русской цивилизации, получил свое развитие в XX веке. В принципе соглашаясь с критической, а во многом даже пессимистической концепцией Ключевского, продолжателем которого выступает Глазычев, я всё же не считаю себя вправе так сурово оценивать прошлое и так скептически представлять себе будущее русского урбанизма. Русские люди делали то, что сделали бы многие другие народы (кроме германских), окажись они в подобных природных условиях и в подобной исторической ситуации. Судьба Индии или Ирана — убедительный тому пример. Я твердо убежден в том, что русский город — не просто «разбухшая» слобода, а именно город. Не только его внешний вид, не только степень социальной организованности его жителей, но и эстетические, а также мифопоэтические аспекты городского феномена — вот что должен учитывать каждый, кто изучает город как явление не одной лишь прагматичной «цивилизации», но великой общечеловеческой культуры.

В начале 1920 годов немецкий исследователь Фридрих Ратцель, один из пионеров антропогеографии, высказал мысль, согласно которой народы, занимающие малые территории, привыкли строить большие города, а народы, рассеянные на больших пространствах — жить в селах и заниматься земледелием и скотоводством³³. В действительности же дела обстоят не так просто, а потому слишком абстрактные и эффектные схемы в гуманитарной науке совершенно неуместны. Русские люди, которые поселились на огромной неосвоенной территории, жили в селах, но еще больше жили в городах, больших и малых. И это не мешало им заниматься земледелием, скотоводством и рыболовством, в буквальном смысле слова не выходя за пределы городов.

В настоящее время, как и на протяжении последних двухсот лет, существуют две крайние, противоборствующие точки зрения на успехи или, наоборот, неудачи урбанизации в России. Вот образец одной из них:

Экономическая слабость РФ несомненна, но очевидным кажется, что страна живет в современности: есть фрагменты современного технологически уклада, пройден путь всеобщего образования, индустриализации, урбанизации. В стране состоялась, хотя и косообоко, научно-техническая революция, есть если не средний класс, то мыслящее сословие etc. Но эти атрибуты современности — сплошные недоразумения.

Промышленность РФ — военная и/или отсталая: индустриальное натурально-обменное хозяйство; экономики нет. Индустриализация имела место, но чуткий к обыденности М. Мамардашвили говаривал: индустриализация не создала индустрии, а урбанизация — городов.

³² Там же, с. 10–12.

³³ F. Ratzel, *Antropogeographie*, т. 4, Stuttgart 1921, с. 162.

Подавляющее большинство так называемых городов — заводские (лагерные, полигонные) поселки и их скопления, агломерации. Собственно город — свободное самоорганизующееся поселение, городской воздух делает свободным. Военно-индустриальные поселения и резиденции властей — не вполне (вполне не?) города. Такова и «городская» жизнь³⁴.

В противовес этому не то чтобы черной, а прямо-таки «чернушной» характеристике, в которой содержится всё же немало справедливых мыслей, звучит куда более оптимистический голос иного современного исследователя, занимающегося подобными проблемами:

Так или иначе, социальная ситуация в городах стала меняться. Довольно скоро это скажется на морфологии города, на его облике. Не стоит обсуждать, к худу или к добру эти перемены — они слишком сложны, чтобы поддаваться такой оценке. Но ясно, что входящие в город новые его хозяева — будь то нищие, будь то богачи — символически теснят прежних горожан.

Однако город никогда не принадлежит одной группе. Его хозяин — общество в целом. Это дом общества. Тем более теперь, когда российское общество определенно становится городским.

До сих пор Россия могла расширяться, теперь — не может. Колонизация и экстенсивное развитие заканчиваются, натолкнувшись на неодолимые ограничения. Грустить ли об этом?

Ключевский говорил, что такое ограничение — единственный стимул для развития страны. Придется начинать жить интенсивно, по-городскому³⁵.

Какой из этих голосов справедливее? По всей видимости, каждый из них по-своему прав, но прав не до конца. Я не слишком склонен верить ни кассандрическим заявлениям о неискоренимости военно-лагерного строя, ни мажорным рассуждениям о исторической неизбежности либерального прогресса. Мой исторический очерк показывает, что русский город как феномен цивилизации, которую нельзя назвать примитивной, как очаг высокой культуры, образованности и гражданственности, как проявление высшей целесообразности и красоты, существовал всегда, даже в самые тяжелые моменты нашей истории. Я вижу в нем не только идеал будущего, но и факт далекого прошлого.

Однако призрак деревенщины в самом деле витал над этим городом, по крайней мере со времен Орды. Он вошел в кровь и плоть городской жизни, проник в самый дух городского общества, которое не имело никакой возможности осуществить на практике великий идеал *urbanitas* и превратиться в общество гражданское, иными словами, подлинно градское, городское. Благородные, но, бывало, что и жестокие попытки изменить такое положение вещей приводили к известным положительным сдвигам, но достичь ожидаемого результата — победить дух великой равнины и превратить население города в граждан города — пока еще не смогли и не скоро

³⁴ В. Каганский, *Россия и миф России*, [в:] он же, *Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. Сборник статей*, Москва 2001, с. 147–148.

³⁵ А. Левинсон, *Другие города*, [в:] он же, *Опыт социографии. Статьи*, Москва 2004, с. 86–87.

смогут. Речь идет о долговременных органических процессах, которые должны происходить не по указке сверху, а сами по себе.

Освальд Шпенглер был неправ, когда говорил, что «никаких русских городов никогда и не бывало»³⁶. Они существовали, и это были по-настоящему европейские города, потому что европейским городом был их образец — Константинополь. Но они не были латиноевропейскими городами, и мерить их этой мерою бесполезно и несправедливо. И они были прекрасны, но прекрасны по-своему, как может быть прекрасно скромное творение рук человеческих среди бесконечных диких просторов — как кром на юру.

Wielka wieś czy szczególnego rodzaju miasto? Rosyjska urbanistyka jako przykład dialogu i kontrapunktu

Streszczenie

Autor podejmuje próbę częściowej rewizji rozpowszechnionego poglądu, zgodnie z którym typowe miasto rosyjskie ma charakter wiejski. Rezultaty analizy obszernego materiału historycznego, głównie staroruskiego, dowodzą, że elementy charakterystyczne dla układu wiejskiego rzeczywiście odgrywały istotną rolę w życiu miast rosyjskich, ich wyglądu zaś nie można wyobrazić sobie inaczej niż jako symbiozę typowo miejskiego (europejskiego) krajobrazu i otaczającej przyrody. Wymienione są dwie przyczyny owego stanu rzeczy: po pierwsze ekonomiczna — niedorozwój podziału pracy i własności prywatnej, po drugie estetyczna — wzięcie pod uwagę podczas budowy miast nie tylko czynników pragmatycznych (gospodarczych, wojskowo-strategicznych, politycznych), lecz także czynnika malowniczości, który oznaczał na Rusi konieczność współbrzmienia wytworów cywilizacji ludzkiej z pięknem i potęgą dzikiej natury. Wewnątrz i na zewnątrz przestrzeni miejskiej miał miejsce ciągły dialog zblizzonego do natury bliskiego elementu sielskiego z w pełni europejskim pierwiastkiem miejskim. Te przeciwstawne elementy dawały o sobie znać mieszkańcom miast równocześnie lub kolejno, na zasadzie kontrapunktu w muzyce.

Słowa kluczowe: urbanizm, wiejskość, dzika przyroda, Rosja a historia, Europa Zachodnia a historia, Bachtinowska zasada dialogu.

A big village or a special kind of city? The Russian urbanism as an example of dialogue and counterpoint

Summary

The paper attempts a partial revision of common views about the rustic character of the typical Russian city. Extensive analysis of historical material, especially the Old Russian, indicates

³⁶ О. Шпенглер, *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории*, т. 2, Москва 1998, с. 199.

that in the life of Russian cities in fact an important role was played by the elements which were typical for the rural way of life, and their appearance is inconceivable otherwise than as a purely urban symbiosis of a (European) landscape and the surrounding wilderness. The author names two reasons for this state of things: first, the economic — poor division of labor and private property, and second, the aesthetic — taking into account in the construction of cities not only pragmatic (economic, military-strategic, political) factors, but also the factor of picturesque, which in Russia meant binding the creations of human civilization and the beauty and power of the wild nature. Outside and inside the urban space a continuous dialogue of a rural element close to nature with a fully European city element. These contradictory elements had taken their toll on the inhabitants of cities simultaneously or alternately, as in the musical counterpoint.

Keywords: urbanism, rusticity, wild nature, Russia — history, Western Europe — history, Bachtin's principle of dialogue.